

П.В Усанов

Постсоветская экономика в свете австрийской школы

Анализу постсоветской экономики посвящено множество исследований как убеждённых противников реформ, так и сторонников [Гольдман, 2005], [Глазьев, 2006], [Травин, 2010], [Гайдар, 2011], [Федоров, 1999], [Ясин, 2002], [Авен, 2013]. Каждый исследователь – явно или неявно – использует методы и принципы, которые лежат в основе его мировоззрения. Если у исследователя либеральное мировоззрение, то для него любой негативный факт в экономике будет следствием интервенционизма, если исследователь придерживается социалистических взглядов, то он будет видеть лишь «провалы» рынка и неизбежную тенденцию крушения капитализма. Сама по себе история не способна ничему научить, так как её исследование совершенно невозможно без той или иной теории. Уже выбор фактов из всего их многообразия означает наличие у исследователя некоторой теории. Без теории невозможно исследовать историю [Мизес, 2013: 368], так как последняя подразумевает особый акт «понимания», в отличие от естественных наук мы можем понять мотивы деятельности тех, кого мы исследуем. Плодотворным может быть лишь то исследование истории, которое опирается на корректную экономическую теорию. Последняя же может быть добыта лишь посредством логики и аргументации, то есть такая теория носит характер априорной.

В качестве отправной точки нашего исследования мы берём работы австрийского экономиста Л. фон Мизеса и его последователей. В частности, Й.Г. Хюльсманна. Свой труд, посвящённый Л. фон Мизесу, он завершает словами:

«На сегодняшний день теория Мизеса является лучшей отправной точкой для того, чтобы пуститься в то великое, связывающее разные поколения предприятие, которое мы называем общественными науками. Кроме того, теория Мизеса подарила нам крайне плодотворный теоретический инструмент для понимания работы общества в любое время и в любом месте» [Хюльсманн, 2013: 749].

Теория Л. фон Мизеса, являясь применимой для понимания работы общества в любое время и в любом месте, даёт нам возможность понять процессы, происходящие в российской экономике и обществе в

постсоветский период. Нам представляется это особенно актуальным, так как на данный момент существует не так много работ, посвящённых рассмотрению постсоветской экономики в свете австрийской экономической школы.

Для того, чтобы корректно описать процессы, происходящие в постсоветской экономике, нам необходимо определиться с ключевыми понятиями, которые мы будем использовать в дальнейшем. Это позволит нам ответить на три ключевых вопроса:

Был ли в СССР социализм?

Были ли реформы 90-х либеральными?

Является ли спад в экономике следствием свободного рынка?

Большинство исследователей сходятся на том, что советская экономика была примером социалистического хозяйства, в котором средства производства находились в руках государства, а цены назначались централизованно. Реформы, по их мнению, носили либеральный характер и заключались в последовательной политике deregулирования, то есть реформы были последовательно либеральными. И наконец, этими исследователями делается вывод о том, что все проблемы российской экономики девяностых годов были вызваны переходом к нерегулируемому рынку и только увеличение государственного вмешательства позволило российской экономике вырасти в нулевые годы.

Наше исследование стремится показать ошибочность данного взгляда на происходящие процессы.

Мы будем в дальнейшем использовать следующие понятия для характеристики процессов в постсоветской экономике [Мизес, 2012]:

Капитализм мы будем понимать как общество, основанное на принципах свободной экономической деятельности, где господствует верховенство права. То есть каждый индивид способен как делать выбор в качестве потребителя, так и имеет возможность бросить вызов на свободном рынке любому производителю. Если он способен лучше других удовлетворять потребности покупателей, то он вытеснит на свободном рынке неэффективных производителей. Верховенство право означает отсутствие у любого индивида или группы индивидов права совершать акты агрессивного насилия. Открытие спонтанного порядка человеческого сотрудничества позволило многократно увеличить благосостояние населения. Свободная экономическая деятельность приводит к инновациям и прогрессу [Норберг, 2007: 272].

Интервенционизм – или деформированная рыночная экономика. Это система, основанная на частичном разрушении двух принципов: экономической свободы и верховенства права. Интервенционизм – это политика активного государственного вмешательства в свободный ры-

нок. Примерами интервенционизма следует считать: протекционизм, инфляционизм, деятельность антитреста, регулирование цен и объёмов производства на отдельных рынках, налогообложение и так далее [Ротбард, 2003]. Л. фон Мизес с своих работах показал, что политика интервенционизма не решает проблем, а создаёт новые, таким образом, интервенционизм требует усиление мер вмешательства, последнее же приводит к разрушению экономического порядка¹. Интервенционизм неустойчивая система, тяготеющая к социализму.

Социализм – это общество, основанное на коллективной собственности на средства производства, где планирование осуществляется централизованно. Л. фон Мизес в своём трактате «Социализм» [Мизес, 1994] показал, что экономический расчёт в идеальном социалистическом обществе просто невозможен. Для того, чтобы сделать выбор в пользу эффективного способа производства нужна информация о ценах на факторы производства, для этого существует рынок капитала и собственники капитальных благ обмениваются на нем при капитализме. Если собственником всех капитальных благ является государство, то отсутствует рынок капитала и нет цен на факторы производства. При такой системе нет никакой возможности сделать обоснованный выбор на основе экономического расчёта. При социализме экономический расчёт невозможен.

Л. фон Мизес писал о невозможности социализма как о теоретической проблеме, то есть, он не отрицал того, что Советская экономика, находясь в окружении капиталистических стран, может продолжать своё существование, хотя и менее эффективное. По сути, в СССР не было социализма, так как страна занималась экспортно-импортными операциями и вынуждена была учитывать цены на мировом рынке, то есть она была элементом глобальной экономики, и цены на факторы производства просачивались внутрь страны.

Централизованно планируемая экономика – это плановая экономика в окружении капиталистических стран, в Советском союзе был именно этот тип экономики. То есть, экономический расчёт был возможен в той степени, в какой СССР продолжала быть элементом мировой экономики. Если бы была реализована мечта социалистов о мировой революции и все мировое хозяйство стало бы социалистическим, то не было бы возможности для получения информации о ценах на рынке капитала, так как его уже нигде не осталось. В известном отношении,

¹ Л. Лахман ещё в 1956 году говорил: «Кто сегодня усомнится в правоте профессора Мизеса, ещё 30 лет назад указавшего, что любое вмешательство политической власти в экономику влечёт за собой дальнейшее вмешательство, необходимое для предотвращения неизбежных последствий этого первого шага?» [Лахман, 2012: 97]

«Революции в России выявили и острые социальные конфликты, связанные с развитием здесь капитализма, и неспособность власти их урегулировать. История не оставила нам шанса повторить английскую модель социального развития. Идея же, что сегодня можно выбросить из памяти семьдесят лет истории, попробовать переиграть сыгранную партию, обеспечить общественное согласие, передав средства производства в руки нуворищей теневой экономики, наиболее разворотливых начальников и международных корпораций, лишь демонстрирует силу утопических традиций в нашей стране.

Программа реформы, не предусматривающая упрочения таких ценностей, как равенство условий жизненного старта вне зависимости от имущественного положения, общественное регулирование, дифференциации доходов, активное участие трудящихся в управлении производством, просто нежизнеспособна. Курс на **обновление социализма**, включающий и демократизацию общественной жизни, и создание гибкой, динамичной, многосекторной экономики, и развитие системы социальных гарантий, не дань верности идеологическим ориентирам прошлого, а просто результат здравого анализа реальной расстановки общественных сил» [Гайдар, 1989].

Таково было мировоззрение Е.Т. Гайдара, его цель можно сформулировать как маркетизация социализма, то есть нельзя сказать, что Е.Т. Гайдар был последователем идей М. Фридмена² и Ф. фон Хайека, скорее всего, он видел себя продолжателем марксизма³.

Какие же действия были осуществлены Е.Т. Гайдаром? Можно ли считать, что политика властей в 90-е годы была последовательно либеральной?

Вот некоторые факты [Травин, 2010], [Львин, 2011].

В 1992 (апрель-июнь) – введено ограничение свободы уличной торговли; 1992 (июнь) – введено стимулирование за счёт экспортных пошлин отечественного бизнеса; 1992 (лето) – начало накачки экономики деньгами; 1994 – В. Геращенко наращивает денежную массу темпами 7-13% в месяц; 29 декабря 1991 года вводится постановление «Об ограничении вывоза товаров народного потребления из Российской Федерации» (запрет на вывоз гражданами с 10 января более 10 штук яиц на человека, запрет на экспорт кроватей и самоваров). В целом произво-

² В 2005 году в предисловии к книге М. Фридмена «Капитализм и свобода» Е.Т. Гайдар объясняет причины «радикализма» М. Фридмена, оправдывая его тем, что его идеи были маргинальными. Но возможно, по Гайдару, когда-нибудь они станут актуальными. То есть, если даже в 2005 году они казались ему радикальными, то что говорить о 1991? [Фридмен, 2005: 7-9].

³ К либеральному марксизму Е.Т. Гайдар призывал в ряде статей в «Вопросах экономики» [Гайдар, 2004].

дится либерализация только 40-60% цен, что приводит к появлению блаты и коррупции.

Все эти мероприятия являются какими угодно, но не либеральными.

Каковы же были последствия этой политики? Дефицит бюджета в 1992 г. – 23% ВВП. Инфляция в 1992 г. - 2600%. Инфляция за 7 лет (1992-98 гг.) – 447345%. Падение ВВП за 7 лет (1992-98 гг.) – 40%⁴. Наиболее значимый результат структурных реформ - передача государственной собственности в руки представителей номенклатуры, спецслужб, криминала. Наиболее важный институциональный результат – разрушение пусть несовершенного, но существовавшего правового порядка в России.

Принято считать, что рыночные реформы были непопулярными и народ не хотел перехода к рыночной экономике. Однако социологические опросы говорят о другом. В 1990 – 55% населения были за рынок, против лишь 15%. В 1992 – 66% за рынок. В 1993 – 77% [Травин, 2010: 368]. И это в разгар экономического спада. Правда, в дальнейшем цифры радикально изменились. В 2013 году доля населения, симпатизирующая рынку, снизилась до 29%, а за государственное распределение и планирование 54%⁵. Это можно объяснить тем, что ожидания людей не оправдались. Но не потому, что реформы были либеральными, а потому, что они были полусоциалистическими.

Д. Боуз в своей книге «Либертарианство: история, принципы и политика» [Боуз, 2004: 336] приводит график с 4 видами мировоззрения. В качестве разграничения он предлагает отношение к экономической и личной свободе. Мы немного скорректируем её, заменив личную свободу на политическую. Капитализм это система, где господствует экономическая и политическая свободы. На рисунке 1 это область справа вверху. Она не была достигнута в постсоветской России. Крушение плановой экономики вызвало стихийный рост экономической и политической свободы, но начавшиеся «реформы» отбросили нас назад – вначале в экономическом отношении, а потом привели и к политической централизации, что полностью подтверждает тезис Ф. фон Хайека о том, что потеря экономической свободы ведёт за собой потерю свободы политической.

Особую роль в движении к антикапиталистической ментальности сыграли интеллектуалы, хотя их роль несопоставима с той, какую они играют на Западе [Johnson, 1988], тем не менее их отношение к капитализму как к морально и экономически неоправданной системе привела

⁴ См. работы А.Н. Илларионова о реформах Гайдара. См. например здесь: <http://www.echo.msk.ru/blog/aillar/1219123-echo/> или на его блоге <http://aillarionov.livejournal.com/>

⁵ См. <http://www.levada.ru/24-02-2014/luchshaya-politicheskaya-i-ekonomiceskaya-sistema>

к формированию определённого восприятия населением того, что произошло в России в 90-е и до этого. Крушение социализма для западных интеллектуалов было полной неожиданностью [Уэрта де Сото, 2009], представители мейнстрима оказались неспособными предсказать и объяснить данное явление, в отличие от австрийской школы, которая продемонстрировала причины неизбежного крушения данного типа экономики [Уэрта де Сото, 2008].

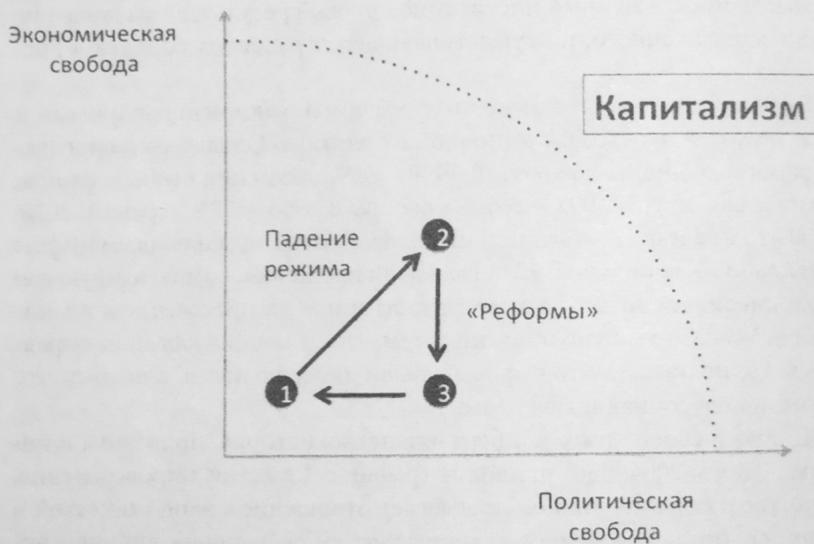

Рис. 1.

Несмотря на неспособность мейнстрима объяснить крушение плановой экономики, большинство российских интеллектуалов стало перенимать ту самую теорию, что оказалась нежизнеспособной. Во многом она оказалась продолжением того, что делали советские интеллектуалы, а именно, произошло наложение интервенционистской теории на математический аппарат мейнстрима. Теория стала восприниматься как «ящик с инструментами», цель же его использования состояла в том, чтобы разработать механизмы государственного регулирования экономики.

То, что было отвергнуто, традиция субъективной политической экономии австрийской школы, так как именно она позволяет дать обоснование политической и экономической свободе. Отказ от неё означал то, что интеллектуалы готовы заложить интеллектуальное обоснование интервенционизма (см. рис. 2).

Рис. 2.

Среди некоторых западных экономистов существует мнение, что трансформацию экономических учений можно представить в виде эволюции: марксизм-кейнсианство-монетаризм-австрийская школа. Где слева – сторонники интервенционизма и социализма, а справа – сторонники свободных рынков и права собственности. Российские интеллектуалы, в лучшем случае, двинулись на несколько шагов вправо, чего, правда, не хватило для понимания преимуществ экономической свободы. Она до сих пор остаётся неизвестным идеалом⁶.

Существует всего два вида деятельности по Ф. Оппенгеймеру [Ротбард, 2003: 17-18]: экономическая и политическая. Первая подразумевает свободный обмен, выгодный каждому, последний – насилие. Если интеллектуал способен производить нужный для других людей продукт – он занимается экономической деятельностью, если он на это не способен, то он ищет финансовую и организационную поддержку у институционального агрессора. Взамен он должен дать ему интеллектуальное обоснование интервенционизма. Фактически, интеллектуал должен обосновать необходимость насилия и грабежа. За это он получает свою долю в награбленном. Иной для него вариант – конкуренция на свободном рынке, если же он не конкурентоспособен, то выход один – ненависть к свободному рынку, предпринимателям и собственности.

Все проблемы российской экономики в 90-е и 00-ые имеют своим истоком интервенционизм и антикапиталистическую ментальность.

В начале 90-х это непоследовательная либерализация цен, рост дефицита бюджета и денежной массы, регулирование цен на электроэнер-

⁶ «Капитализм – неизвестный идеал» - так называется одна из книг Айн Рэнд.

гию и зерно, замораживание реформ в сфере ЖКХ и ВПК, сохранение монополий.

В середине 90-х это приватизация по социалистической (эгалитаристской) модели, когда каждый получает свою долю в собственности вне зависимости от того, пользуется он ею или нет. Отказ от гомстединга (присвоения собственности тем, кто ей пользуется) и выбор эгалитаристской модели означал сохранение колlettivistского представления о собственности (можно её получить, не имея к ней никакого отношения). Такое отношение к собственности породило «блатной капитализм» (фактически полусоциализм)⁷.

Финансовый кризис 1998 года стал расплатой за интервенционистскую монетарную политику вкупе с бюджетными проблемами и политикой регулирования валютного курса («валютный коридор»). Кроме того, незашщищённые права собственности порождали высокие межвременные предпочтения, что делало неизбежным искажение структуры производства [Кузнецов, 1998].

Хотя нулевые годы дали значительное приращение ВВП, оно было вызвано не усилением государственного вмешательства в этот период, а стало следствием большей интегрированностью в мировой капитализм. Экономический рост в странах Запада породил спрос на ресурсы, которыми богата Россия, что сделало возможный рост доходов.

Однако так как денежная масса в России выросла в 28 раз (для сравнения ФРС увеличила денежную массу в 4 раза за тот же период 1999-2013), то и степень накопленных ошибочных инвестиций была больше, что вызвало более глубокий спад в 2008-2010 годах.

Так как правительство отреагировало на кризис усилением своего вмешательства, следует сделать структурный прогноз⁸ о том, что за него последует неизбежная расплата в виде роста цен и экономического спада.

Остановить эту тенденцию можно лишь осознав, что корень этих проблем лежит в неверной экономической политике, основанной на неверной экономической теории⁹.

Мы должны согласиться с тем выводом, который делает с своим исследованием В. Гельман в отношении будущего России¹⁰, но условием такого рода изменений должно стать правильное понимание свободы, а оно невозможно без корректной экономической теории.

⁷ Том Палмер использует понятие «кронизм».

⁸ Австрийская школа считает возможным делать лишь структурные (теоретические) прогнозы pattern predictions, но не количественные прогнозы (на сколько упадёт, когда именно).

⁹ Л. фон Мизес говорил: «Никто не стремился указать на настоящего виновника кризиса: на ложную экономическую теорию» [Мизес, 2012: 87].

¹⁰ Под заголовок заключения его великолепной книги «Из огня да в полымя: российская политика после СССР» – «Россия будет свободной» [Гельман, 2013: 256].

Как говорил Р. Кобден:

«Если свободу обмена получить, не поняв её смысла, то её легко будет опять потерять» [Бастия, 2003: 181].

Так как переход к свободному обществу в России затормозился тем, что люди неправильно поняли свободу, а как следствие, с лёгкостью её потеряли, то дальнейшее движение вперёд нам видится как движение, основанное на том, что Айн Рэнд называла Новыми интеллектуалами [Rand, 1961]. Взаимные усилия творцов («Атлантов» [Рэнд, 2014]): предпринимателей и интеллектуалов, которые способствуют прогрессу в экономике и в познании свободы.

Литература

1. Авен П. Революция Гайдара: история реформ 90-х из первых рук. – М.: Альпина Паблишер, 2013. 439 с.
2. Айн Рэнд. Атлант расправил плечи. – М.: Альпина Паблишер, 2014. 1136 с.
3. Бём-Баверк О. Капитал и процент. – Челябинск: Социум, 2010. 916 с.
4. Бастия Ф. Кобден и Лига: движение за свободу торговли в Англии. – Челябинск: Социум, 2003.
5. Боуз Д. Либертиарийство: история , принципы, политика. – Челябинск: Социум, 2004. С. 336.
6. Гайдар Е.Т. Частная собственность – новый стереотип // «Московские Новости» № 41, 8 октября 1989 г.
7. Гайдар Е.Т. Развилки новейшей истории России. – СПб.: Норма, 2011. 168 с.
8. Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. – СПб.: БХВ-Петербург, 2013. 256 с.
9. Глазьев С.Ю., Либеральные реформы в России: правда и вымысел. – М.: ГУ-ВШЭ, 2006. 28 с.
10. Голдман М.И. Пиратизация России. – М.: ФСПИ, Тренды, 2005. 422 с.
11. Е. Гайдар, В. May. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) // Вопросы экономики, 2004, № 5.
12. Корнаи Я. Дефицит. – М.: Наука, 1990. 607 с.
13. Лахман Л. Рыночная экономика и распределение богатства // Нравственность капитализма. Под ред. Т. Палмера. – М.: Новое издательство, 2012. С. 97.
14. Львин Б. Работы разных лет. – Челябинск: Социум, 2011. 646 с. (Электронное издание). См. особенно с. 175 и 185.

15. Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: «Catallaxy». 1994. 416 с.
16. Мизес Л. Стабилизация ценности денег и циклическая политика // Теория экономического цикла. – Челябинск: Социум, 2012.
17. Мизес Л. Теория денег и кредита. – Челябинск: Социум, 2012. 808 с.
18. Мизес Л. Теория и история. – Челябинск: Социум, 2013. 368 с.
19. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – Челябинск: Социум, 2012. 878 с.
20. Норберг Ю. В защиту глобального капитализма. – М.: Новое издательство, 2007. 272 с.
21. Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. – Челябинск: Социум, 2003. 415 с.
22. Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. – Челябинск: Социум, 2003.
23. Травин Д.Я. Очерки новейшей истории России. – СПб.: Норма, 2010. 368 с.
24. Уэрта де Сото. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. – Челябинск: Социум, 2009. 202 с.
25. Уэрта де Сото. Социализм, экономический расчёт и предпринимательская функция. – М.: ИРИСЭН, 2008. 488 с.
26. Федоров Б.Г., 10 безумных лет. Почему в России не состоялись реформы – М.: Совершенно секретно, 1999. 256 с.
27. Фридмен М. Капитализм и свобода. – М.: Либеральная миссия, 2005. С. 7-9.
28. Хаберлер Г. Деньги и экономический цикл // Процветание и депрессия. – Челябинск: Социум, 2005.
29. Хайек Ф. Цены и производство. – Челябинск: Социум, 2007. 199 с.
30. Хюльсманн Й.Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвига фон Мизеса. – Москва; Челябинск: Социум, 2013. 749 с.
31. Ю. Кузнецов – Инвестиционный кризис в России с позиций австрийской школы // Вопросы экономики, 1998. № 12.
32. Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыноч. реформ. Курс лекций – М.: ГУ-ВШЭ, 2002. 437 с.
33. Johnson Paul. Intellectuals. – NY: Harper Collins e-books, 1988. 388 p.
34. Rand, Ayn. For the New Intellectual. – New York: Penguin, 1961. 242 p.